

Е. Червинска-Якимюк

Предубеждения как фактор, блокирующий примирение между народами

Аннотация: в статье дается анализ предубеждений как фактора, блокирующего процессы примирения между народами. Рассматриваются причины возникновения предубеждений, а также способы сведения их к минимуму и возможность выработки способов преодоления так называемых «мемориальных барьеров». Затрагивается проблема коллективной памяти и мемориальных и памятных мест. Указанные проблемы исследуются в контексте российско-польских отношений.

Ключевые слова: культурология, предубеждения, редукция, коллективная память, места памяти, межгрупповые конфликты, нетерпимость к неопределенности, гипотезы контакта, культурное программирование, польско-российские отношения.

Одним из основных факторов, блокирующих процесс примирения в конфликтных ситуациях, которые периодически возникают в отношениях разных народов, являются предубеждения. Исследователи уже отмечали, что стереотипы и предубеждения ограничивают возможности создания пространства для дискуссии (дискурса) о коллективной памяти; они влияют на интерпретацию событий, на придание тем или иным местам статуса памятных мест. Выработка способов преодоления «мемориальных барьеров» — важная задача. Мы попытаемся выявить главные причины возникновения предубеждений в контексте польско-российских отношений, а также опишем некоторые способы, позволяющие свести их к минимуму.

Формирование общественного интереса к коллективной памяти в Польше, как и в других посткоммунистических странах, началось в 1990-х гг.² В настоящее время целый спектр вопросов, связанных с коллективной памятью и ее увековечением, стал предметом специального изучения³. Наибольший интерес вызывают вопросы, связанные с событиями XX в. и с отношениями одних народов с другими.

П. Квятковски, выделяя общие черты, характеризующие польские дискурсы, группирует их следующим образом: возвращение к вопросам, на которые, как ка-

залось до недавнего времени, уже даны исчерпывающие ответы, и их пересмотр; постановка новых вопросов, касающихся событий минувших исторических эпох⁴. В обоих случаях формируется критический взгляд на устоявшийся образ прошлого, модифицирующий его и подвергающий сомнению существующие интерпретации тех или иных событий. Подобный критицизм требует выработки новых подходов к изучению прошлого, особенно сейчас, когда одни и те же события рассматриваются с разных точек зрения и по-разному интерпретируются представителями и потомками противоположных сторон конфликтов, а дебаты нередко служат не примирению, а разжиганию конфликтов и взаимной неприязни. «Дискурсы памяти» могут заключать в себе и прагматический интерес, когда речь заходит о разногласиях, связанных с «реваншем памяти» (требованиями выплат компенсаций за причиненные обиды и т. п.).

Согласно утверждению А. де Лазари⁵, большую роль в формировании отрицательных стереотипов и предубеждений у поляков по отношению к России и россиянам играет контекст культуры, проявляющийся и в различном «культурном программировании»⁶. Его примеры представлены в таблице, составленной исследователем⁷.

¹ См.: *Kaźmierska K.* Między pamięcią zbiorową a biograficzną. Podróże do miejsc urodzenia izraelskich Żydów // *Pamięć zbiorowa jako czynnik integracji i źródło konfliktów* / Red. A. Szpociński. Warszawa: SCHOLAR, 2009. S. 25–46.

² См.: *Kwiatkowski P.* Czy lata III Rzeczypospolitej były «czasem pamięci»? // *Pamięć zbiorowa jako czynnik integracji i źródło konfliktów* / Red. A. Szpociński. Warszawa: SCHOLAR, 2009. S. 125.

³ *Szacka B.* Czas przeszły, pamięć, mit. Warszawa: Wydaw. Naukowe SCHOLAR, 2006; *Szacka B., Sawisz A.* Czas przeszły i pamięć społeczna. Warszawa: Instytut Socjologii Uniwersytetu Warszawskiego, 1990; *Wobec przeszłości: pamięć przeszłości jak element kultury współczesnej* / Red. A. Szpociński. Warszawa: Instytut im. Adama Mickiewicza, 2005; *Pamięć zbiorowa jako czynnik integracji i źródło konfliktów* / Red. A. Szpociński. Warszawa: SCHOLAR, 2009; *Kaźmierska K.* Między pamięcią zbiorową a biograficzną. Podróże do miejsc urodzenia izraelskich Żydów // *Pamięć zbiorowa jako czynnik integracji i źródło konfliktów* / Red. A. Szpociński. Warszawa: SCHOLAR, 2009; *Kaźmierska K.* Ramy społeczne pamięci // *Kultura i Społeczeństwo*. 2007. № 2 и др.

⁴ *Kwiatkowski P.* Czy lata III Rzeczypospolitej były «czasem pamięci»? S. 126–129.

⁵ *Lazari A. de.* Wzajemne uprzedzenia Polaków i Rosjan // *Katalog wzajemnych uprzedzeń Polaków i Rosjan* / Red. A. de Lazari. Warszawa: Polski instytut Spraw Międzynarodowych, 2006. S. 5–27; *Lazari A. de.* Polskie i rosyjskie «zaprogramowanie kulturowe» (szkic problemu) // *Polacy i Rosjanie. Przewycięzanie uprzedzeń* / Red. A. de Lazari, T. Rongińska. Łódź, 2006. S. 147–155.

⁶ Интересный анализ образа России, складывавшийся у поляков на протяжении длительного времени, представлены в кн.: *Niewiara A.* Moskwin-Moskal-Rosjanin w dokumentach prywatnych. Portret. Łódź: Ibidem, 2006. О стереотипах восприятия Польши некоторыми великими российскими мыслителями см.: *Walicki A.* Rosja, katolicyzm i sprawa polska. Warszawa: Prószyński i S-ka, 2003. В другой работе того же автора обращается внимание на нередкое восприятие России как продолжения СССР, что порождает стереотип «неизменной России», имперской и захватнической по отношению к Польше (см.: *Walicki A.* O inteligencji, liberalizmach i o Rosji. Kraków: Universitas, 2007).

⁷ *Lazari A. de.* Wzajemne uprzedzenia Polaków i Rosjan. S. 15.

Польша	Россия
Индивидуализм — возвышение «Я» Демократия (напр.: Наполеон I оценивается положительно за индивидуализм)	Коллективизм — возвышение «Мы» Самодержавие (автократия) (напр.: Наполеон I оценивается отрицательно за индивидуализм)
За Бога, Честь , Родину! Честь, гордость, бунт оцениваются положительно, смирение, покорность — отрицательно (напр.: Гамлет, Кордиан, Конрад, Вокульский)	За Бога, Царя , Отечество! Честь, гордость, бунт оцениваются отрицательно, смирение, покорность — положительно (напр.: Дон Кихот, князь Мышкин, Рудин, Обломов)
Запад оценивается положительно, Восток — отрицательно Европа Рим оценивается положительно	Запад оценивается отрицательно, Восток — положительно Евразия Рим оценивается отрицательно; Москва — Третий Рим
Католицизм Польша — Христос народов	Православие Русский народ — богоносец
Демократия Приватизация	«Дерьмократия» «Прихватизация»
Москаль, русек, кацап, комух	Лях, полячок, польский пан

В научной литературе предубеждение определяется как враждебное или отрицательное отношение к определенной группе или к представителям определенной нации, которое базируется на выводах, сделанных из ошибочной и неполной информации⁸. Все многообразие предубеждений может быть классифицировано следующим образом.

Аверсионные предубеждения формируются на основе сильных отрицательных эмоций. Они вызывают желание избегать людей определенной группы, несущей некоторую угрозу и порождающей страх, тем более навязчивый, когда группа воспринимается как сильная. Эти предубеждения редко приводят к контрнаступлению, а угрожающей группе зачастую приписываются демонические черты, преступные замыслы и тайные заговоры⁹. В послевоенной Польше, например, существовал так называемый «заговор КГБ», а в настоящее время — «тайная немецкая колонизация» («Нем-

цы выкупают нашу землю!»); в определенных слоях населения Израиля существует «синдром Моссада»¹⁰ или некоторых арабских организаций (в последнем случае предубеждения вкупе с другими факторами приводят к эскалации агрессии, террористическим актам и даже к порывам истребления так называемых враждебных групп).

Номинативные предубеждения формируются на базе пренебрежения другими и убеждения в собственном превосходстве. Этот тип предубеждений чаще всего является предпосылкой для настойчивых поисков козла отпущения и последующей атаки. Типичным примером подобного рода предубеждений могут служить высказывания типа: «Я вообще-то не антисемит, но...»¹¹, «Я ничего не имею против негров (цыган, евреев и т. д.) при условии, что они держатся от меня подальше». Такие предубеждения нередко проявляются в травле, тем или иным образом организуемой в школе, по месту службы и т. д.

Предубеждения, возникающие из неясности, формируются на основе конфликта или амбивалентности эмоций. Они заключаются в том, что, с одной стороны, враждебная группа вызывает уважение, удивление, иногда даже желание быть на нее похожим, а с другой — зависть, соперничество, неприязнь, ревность. Такое отношение вызывают, например,

⁸ См.: Aronson E. Człowiek istota społeczna. Warszawa: PWN, 1995. S. 359; Dovidio J. i in. Stereotypizacja, uprzedzenia i dyskryminacja: spojrzenie z innej perspektywy // Macrae C., Stangor Ch., Hewstone M. Stereotypy i uprzedzenia. Gdańsk: GWP, 1999. S. 227; Weigl B. Stereotypy i uprzedzenia // Psychologia. Podręcznik akademicki. T. 3 / Red. J. Strelau. Gdańsk: GWP, 2007. S. 214.

⁹ В научной литературе широко анализируются проблемы теории заговора (Pipes, Moscovici, Girard, Goertzel), «стереотипов групповой души» (Kofta, Sędek) и явлений политической паранойи (Pipes, Robin и Post). К «заговорщикам» могут относить разные группы: евреев, немцев, россиян, масонов, так называемых «циклистов» или всемирное тайное правительство, навязывающее всем свою волю (см.: Podstawy psychologii politycznej / Red. K. Skarżyńska. Poznań: Wydaw. Zysk i S-ka, 2002. S. 305–321).

¹⁰ См.: Bar-Tal D. The Masada Syndrome: A Case of Central Belief. University Michigan, 1983.

¹¹ См.: Dobiszewski J. Przesady, uprzedzenia, stereotypy — kilka refleksji o pojęciach // Katalog wzajemnych uprzedzeń Polaków i Rosjan / Red. A. de Lazari. Warszawa: Polski Instytut Spraw Międzynarodowych, 2006. S. 43.

«богатые нации» (в польском обществе — прежде всего евреи и немцы)¹². Л. Хагендорн, размышляя о национализме, предубеждениях и этнических стереотипах, вводит понятие «пятой колонны», призванное отразить широко бытующее в определенных слоях общества представление о враждебном характере деятельности некоторого этнического меньшинства, способного заблокировать, например, возможности карьерного роста. Этническое меньшинство воспринимается как группа, стремящаяся контролировать большинство и обладающая для этого достаточными возможностями: оно лучше образовано, более зажиточно, политически и экономически поддерживается извне. Как «пятая колонна», например, воспринимаются россияне в Эстонии и в некоторых других странах бывшего СССР¹³.

Предубеждение состоит из трех компонентов: *познавательного* (рекомендации, взгляды, мысли на тему данной группы, характеризующиеся познавательной порочностью, которая заключается в односторонности, избирательности, неоправданных обобщениях, преувеличениях, догматичности суждений, убожестве содержания, отсутствии верификации, неадекватности и насыщенности отрицательными оценками), *эмоционального* (отрицательные эмоции разной степени напряжения: неприязнь, враждебность, страх, отвращение, презрение, антипатия, зависть, ненависть) и *поведенческого*¹⁴.

В поведенческой ипостаси предубеждение принимает отчетливые, зримые формы, иногда освященные неписаными законами или традицией, а иногда поддерживаемые всей мощью государства и принимающие характер общественного института. К легким формам можно отнести сепарацию («отделение от...»: запреты на пользование общественными местами, на смешанные браки и т. п.), сегрегацию (апартеид в ЮАР, еврейские гетто в некоторых европейских городах до Второй мировой войны, нынешнее положение цыган в некоторых регионах Чехии и Словакии) и дискриминацию (ограничение или лишение в правах на образование, работу и проч., невзирая на действительные способности или заслуги). На уровне дискриминации нередко срабатывает механизм самоисполняющегося пророчества, описанный Р. Мёртоном: ложное определение ситуации вызывает новое поведение и приводит к тому, что изначально ложная концепция претворяется в реальности¹⁵. Предубеждения, основывающиеся на

идеях насилия и уничтожения, приводят к гораздо более тяжелым последствиям — к геноциду и этническим чисткам по религиозным и идеологическим мотивам¹⁶. Согласно Э. Стаубу, уничтожение часто психологически соединяется с процессом «очеловечивания» жертв и широко обговаривается на фоне преследований и геноцида. В числе стратегий сокрытия вины преступниками Л. Нияковски называет отрицание фактов, экстерниоризацию (перебрасывание ответственности), пренебрежение мартирологом определенных категорий жертв, рационализацию, Промысел Божий, демонизацию и др.

Существует великое множество причин, факторов и побудительных мотивов, так или иначе ведущих к возникновению и сохранению предубеждений¹⁷.

Причины могут корениться в *свойствах личности* (субъекта) (например, в ее авторитарности и неприятии многозначности). Причиной может стать и низкая, и высокая (в соединении с познавательным диссонансом) самооценка. В числе личностных коррелятов исследователи называют также: слишком частое использование защитного механизма личности типов *проекция* (неприемлемые черты приписываются окружению) и *перемещение* (агрессия направляется не на источник предполагаемой угрозы, а на безопасные и доступные объекты), скрытую враждебность, агрессивность, эгоцентризм и отсутствие эмпатии, чувство алиенации, атрибуцию причин, цинизм, коррелирующий с недоверием и чувством одиночества. К факторам, способствующим возникновению предубеждений, могут быть отнесены этноцентризм¹⁸ и приверженность идеям национализма¹⁹.

становится подтверждением первоначального допущения об их лени. См.: Merton R. Teoria socjologiczna i struktura społeczna, Warszawa: PAN, 2002. S. 461.

¹² Nijakowski L. Kiedy krwawa plama staje się białą. Polityka pamięci związana z masakrami w XX wieku // Pamięć zbiorowa jako czynnik integracji i źródło konfliktów / Red. A. Szpociński. Warszawa: SCHOLAR, 2009. S. 167–188. В контексте польско-российских отношений см.: Boski P., Więckowska J. Stosunki polsko-rosyjskie: historia ostatniego półwiecza w obrazach, pamięci i ocenach Polaków // Polacy i Rosjanie. Przewycięzanie uprzedzeń / Red. A. de Lazari, T. Rongińska. Łódź, 2006. S. 26.

¹³ См.: Nelson T. Psychologia uprzedzeń; Aronson E. Człowiek istota społeczna; Stereotypy i uprzedzenia: uwarunkowania psychologiczne i kulturowe / Red. M. Kofta, A. Jasińska-Kania. Warszawa: SCHOLAR, 2001; Weigl B. Stereotypy i uprzedzenia.

¹⁴ П. Боски и Й. Вецковска утверждают, что история россиян до сих пор писалась с использованием этноцентрической методологии (по принципу «наши герои — их враги, их победы — наши поражения»), поэтому с этой стороны Ю. Пилсудский — символ Польши как «государства господ и буржуев» (для поляков — герой), Варшавское сражение 1920 г. — одно из неудачных сражений за победу революции (для поляков — событие, изменившее ход истории, «Чудо на Висле»). См.: Boski P., Więckowska J. Stosunki polsko-rosyjskie: historia ostatniego półwiecza w obrazach, pamięci i ocenach Polaków. S. 27.

¹⁵ О национализме как факторе, увеличивающем неприязнь к другим народам и сопутствующем появлению отрицательных стереотипов и предубеждений, см.: Skarżyńska K.

¹² См.: Weigl B. Stereotypy i uprzedzenia. S. 215.

¹³ См.: Skarżyńska K. Nacjonalizm i patriotyzm: orientacje ideologiczne i postawy jednostek // Podstawy psychologii politycznej. Poznań: Wydaw. Zysk i S-ka, 2002. S. 288–290.

¹⁴ См.: Nelson T. Psychologia uprzedzeń. Gdańsk: GWP, 2003. S. 29–34.

¹⁵ Так, убежденность белых в том, что негры ленивы, может породить ситуацию, в которой те реже получают работу, а огромное число безработных среди негров в результате

В основе предубеждений могут лежать *причины эмоционального свойства*. Чувства страха, зависти или ревности часто возникают по отношению к неизвестным группам людей или меньшинствам, занимающим высокое общественное или экономическое положение. Неприязнь и враждебность к другим нациям могут вызываться давними обидами, о которых по тем или иным причинам долгое время говорить было нельзя²⁰. Часто источниками подобного рода обид являются исторические события (для поляков это, например, пакт Молотова – Риббентропа, Польский поход РККА 17–29 сентября 1939 г., Катынский расстрел 1940 г.)²¹.

Благодатной почвой для произрастания предубеждений становятся политико-экономические и общественные конфликты и кризисы, неизменно приводящие к поискам козла отпущения и запускающие уже упомянутый механизм самоисполняющегося пророчества, и фрустрация вследствие утраченной позиции, политического или экономического доминирования. В последнем случае отрицательные черты приписываются народам, стремящимся получить независимость.

Предубеждения могут передаваться по наследству (трансмиссия между поколениями). Большие возможности для этого предоставляют не только влияние семьи, среды, средств массовой информации и пропаганды²², но и язык.

Среди факторов, так или иначе способствующих процветанию предубеждений, называют также незнание объекта предубеждения, генерализацию отрицательного опыта (как личного, так и представителей «своей» группы), конформизм, перемещенную агрессию и комплекс общественно-демографических характеристик (низкий уровень образования, недостаточная профессиональная компетенция, невысокие доходы, понижение статуса и т. п.).

Ввиду обширности проблематики в статье будут оговорены только некоторые из причин: межгрупповой конфликт, перемещенная агрессия, эффект общественной категоризации, трансмиссия с использованием обиходного языка, атрибуция причин с учетом языкового контекста, авторитарная личность и нетерпимость к неопределенности.

В основе межгруппового конфликта может лежать кажущееся несправедливым распределение дефицитных благ (земли, денег, власти). Борьба

Nacjonalizm i patriotyzm: orientacje ideologiczne i postawy jednostek. S. 288–290.

²⁰ См.: *Skarżyńska K.* Nacjonalizm i patriotyzm: orientacje ideologiczne i postawy jednostek. S. 290.

²¹ См.: *Walicki A.* O inteligencji, liberalizmach i o Rosji. S. 358–362.

²² Примером воздействия пропаганды могут служить бытовавшие некогда представления о Сталине как о друге Польши, ее освободителе от внешних и внутренних врагов, пропагандистские мифы, получившие хождение в годы «холодной войны».

за них, чувство релятивной депривации или фрустрации могут привести к неприязни, к зависти по отношению к враждебной стороне, ее дискредитации, а в общем итоге — к генерализации отрицательного опыта. Многочисленными примерами могут служить как предрассудки и предубеждения, рождающиеся в сознании «низов», так и преднамеренные манипуляции политиков: не справляясь с реальными проблемами, они зачастую вынуждены создавать образ козла отпущения²³.

В концепции перемещенной агрессии, основывающейся на классической гипотезе фрустрации-агрессии Долларда–Миллера²⁴, фрустрация рассматривается как состояние напряжения, которое появляется в результате блокирования возможности достичь цели, чему сопутствует появление агрессии. Агрессия, однако, не всегда может быть направлена против действительной причины, и тогда она переносится на безвинные объекты, на которые она может безнаказанно сорваться без опасения возмездия с их стороны (еврейские и цыганские погромы).

На настоящее время в изучении причин живучести предубеждений наиболее разработана концепция общественной категоризации (Г. Тэджфел, Дж. Тернер)²⁵. Указанный феномен состоит в оказании предпочтения собственной группе и унижении чужой, в оценке различий между группами, в концентрации на собственной группе. Это приводит к неприязни и враждебности по отношению к чужим группам.

Иной аспект проблемы раскрывается при изучении трансмиссии предубеждений — передачи из поколения в поколение народных поверий, предрассудков и примет, вызывающих страх перед чужаками (цыгане крадут детей и катят их в бочках с гвоздями; евреи крадут детей и их кровь добавляют в мацу)²⁶. Широкую известность получили исследования возможностей, таящихся для трансмиссии предубеждений в повседневном разговорном языке (А. Маасс, Л. Аркури)²⁷. Одна из них заключена в слове любого языка — в обширном пласте лексики, прямо или косвенно дискредитирующей чужой этнос. Например, польские глаголы *osygnąć* и *oszwabić*, эквивалентные русскому просторечному *надуть* (обмануть), имеют изрядный отрицательный заряд, поскольку содержат в себе прямое указание на носителей обмана — цыган и швабов (т. е. немцев). Еще более бесхитростна в этом смысле польская поговорка *Chytry jak czterech Żydów* (хитрый, как четыре еврея).

²³ См.: *Sztompka P.* Socjologia. Analiza społeczeństwa. Kraków: Znak, 2003. S. 303.

²⁴ См.: *Dollard J., Miller N. E., Mowrer O. H., Sears R. S.* Frustration and Aggression. New Haven, 1961.

²⁵ См.: *Weigl B.* Stereotypy i uprzedzenia.

²⁶ См.: *Ibid.* S. 217.

²⁷ См.: *Weigl B.* Stereotypy i uprzedzenia.

Другая возможность содержится в многообразии предоставляемых языком способов оценки. На этом строится избирательность при оценке одного и того же, казалось бы, явления, находящегося на разной дистанции от говорящего. При оценке положительного поведения члена своей группы используются предельно общие выражения (*он филантроп, альтруист*), характеристика такого же поведения чужака скорее всего будет иметь конкретный характер (*он одолжил мне денег*). Ситуация переворачивается в случае отрицательного поведения: *он ударил кого-то*, если это свой, но *он агрессивен*, если речь идет о чужом.

При анализе личностных факторов, лежащих в основе предубеждений, широко используется классическая концепция авторитарной личности. С помощью этого теоретического конструкта, разработанного в трудах В. Райха и Э. Фромма, убедительно объясняются механизмы принятия предубеждений и идеологии экстремистских групп. Глубокое и детальное исследование в международном масштабе на ту же тему провели Т. Адорно и группа его единомышленников²⁸. В рамках концепции авторитарной личности Адорно получают объяснение не только такие явления, как фашизм и антисемитизм, но и этноцентризм, догматизм и консерватизм. Для измерения авторитаризма исследователи разработали новый инструмент — шкалу Ф. Ими выявлены и описаны черты авторитарной личности: конвенционализм (абсолютное подчинение общественным нормам и традиционным ценностям), авторитарная покорность (беспрекословное послушание авторитетам и их идеализация), культ силы, авторитарная агрессия (нетерпимость и непреодолимая склонность к наказанию нарушителей принятых норм), антиинтрацепция (отказ от собственных мыслей и чувств), вера в предрасудки и стереотипы, склонность к иерархическому выстраиванию общественных отношений, деструктивность и цинизм (восприятие других через призму их недостатков и слабостей), проекция (проецирование собственной неприязни к окружению на окружение), чрезмерная сексуальность (концентрация на сексе при нередком отрицании собственной сексуальности, строгой дисциплине и следовании обычаям)²⁹.

Новый подход к авторитаризму представлен в концепции правого авторитаризма Б. Альтмейера, в которой выявлены три его черты: авторитарная зависимость, авторитарная агрессия и конвенционализм³⁰.

Отдельной темой исследований стала *нетерпимость к неопределенности* (intolerance of ambi-

guity)³¹ — черта личности, склонной к однозначному восприятию и описанию собственных чувств, действительности и значимых объектов. Исследователи утверждают, что боязнь неоднозначности, тяга к жесткой регламентации возникают из приведения в движение защитных механизмов в ситуации конфликта, рождающегося из амбивалентности, которая воспринимается как источник дискомфорта и угрозы. Защитные механизмы типа идеализации, отречения, отрицания и перемещения помогают справиться с внутренним конфликтом, но в то же время приводят к обеднению образа мира и к формированию людей с сильной и четкой общественной категоризацией: *мы — они, хорошие — плохие, верующие — неверующие*.

Согласно когнитивистско-бихевиористской психологии (Х. Айзенк), ядром нетерпимости к неопределенности является «познавательная неподвижность» — незначительная открытость опыту, которая и приводит к созданию черно-белой картины мира; характерна для нее и невозможность смириться с существованием в одной личности положительных и отрицательных черт.

В ситуации перцептивной многозначности «познавательная неподвижная» личность стремится как можно быстрее и категоричнее сформулировать свое мнение и впоследствии никогда уже его не меняет: лучше оставаться при своем мнении, даже если оно ошибочно, чем показаться нерешительной³². В конечном итоге обретение уверенности совершается ценой отказа от реальности³³. Очевидно, в основе такого поведения лежит страх; особенно ярко оно проявляется, когда человек сталкивается с новыми, неясными, кажущимися неразрешенными, сложными ситуациями. Высокий уровень нетерпимости проявляется в конвенционализме в общественном поведении, в одобрении закрытых систем верований, в положительном отношении к институтам, контролирующим распространение информации. Позднейшие исследования подтвердили положительную корреляцию нетерпимости к неопределенности с этноцентризмом, авторитаризмом и политическим консерватизмом и отрицательную корреляцию с гносеологической сложностью и познавательной гибкостью³⁴.

К сходным выводам в рамках *теории познавательного завершения* (closed-mindedness) в 1990-х гг. пришел ее создатель А. Круглянский³⁵. По его мнению,

²⁸ Adorno T., Frenkel-Brunswik E., Levinson D., Sanford R. The Authoritarian Personality. New York: Harper and Brothers, 1950.
²⁹ См.: Jakubowska U. Ekstremizm polityczny. Gdańsk: GWP, 2005. S. 41–42; Nelson T. Psychologia uprzedzeń. S. 127–134; Podstawy psychologii politycznej. S. 61; Marody M. Sens teoretyczny a sens empiryczny pojęcia postawy. Warszawa: PWN, 1976.

³⁰ См. об этом: Jakubowska U. Ekstremizm polityczny; Nelson T. Psychologia uprzedzeń.

³¹ E. Frenkel-Brunswik, S. Budner, R. Sanford. См.: Jakubowska U. Ekstremizm polityczny. S. 55–57; Kossowska M. Poznawcze źródła przekonań politycznych // Społeczne ścieżki poznania / Red. M. Kossowska, M. Śmieja, S. Śpiewak. Gdańsk: GWP, 2005. S. 42–44.
³² См.: Kossowska M. Poznawcze źródła przekonań politycznych. S. 42, 43.

³³ Kossowska M. Poznawcze źródła przekonań politycznych. S. 42.
³⁴ Jost, Glaser, Sulloway; см. Kossowska M. Poznawcze źródła przekonań politycznych. S. 43).

³⁵ Jakubowska U. Ekstremizm polityczny. S. 57–58; Bukowski M., Drogosz M. Stereotypy i poznanie: poznawcze podstawy funkcjonowania stereotypów // Społeczne ścieżki poznania /

люди с сильной потребностью завершения стремятся к максимально быстрому формулированию мнения о каком-либо деле (даже за счет его истинности) и твердо придерживаются этого мнения (даже вопреки противоречащей ему информации); «лишняя» информация либо искажается, либо попросту отбрасывается. Высокий уровень потребности познавательного завершения способствует поверхностному анализу получаемых данных и поиску лишь той информации, которая согласуется с уже существующими схемами. Рождающийся на этих путях образ ситуации, хотя и выполняет защитную функцию, обычно являет ее в упрощенном виде. Он обеспечивает однозначность, упорядоченный образ мира и характеризуется сопротивляемостью к изменению. Жажда прочных («окончательных») знаний о мире препятствует малейшим изменениям, угрожающим вторжением в сложившуюся картину, и лучшей защитой от них становятся авторитеты, из чего следует необходимость беспрекословного подчинения им.

Переходя к обсуждению возможности редуцирования предубеждений, следует отметить их живучесть и сильную сопротивляемость каким бы то ни было изменениям. Существуют, однако, и некоторые основания для оптимизма. Ряд экспериментов, проведенных в рамках программы по нейтрализации предубеждений, дал положительные результаты³⁶.

С классических работ Г. У. Олпорта 1950-х гг. проводятся исследования в рамках *гипотезы контакта*³⁷, согласно которой в редукации стереотипов и предубеждений значительную роль должны играть взаимные контакты. Исследования подтвердили эффективность контакта, но одновременно выяснилось, что для достижения успеха требуются некоторые дополнительные условия: стабильная политико-экономическая ситуация, отсутствие поводов для конфликтов и соперничества, равный статус сторон, добровольность, регулярность и установка на дружелюбие (Т. Ф. Петтигрю). Выступивший с критикой гипотезы контакта Гамбургер, опираясь на данные американских исследователей, выяснил, что сотрудничество белых и черных по месту работы не ведет к улучшению их контактов в других сферах жизни³⁸. По мнению исследователя, положи-

тельные последствия индивидуальных контактов не переносятся на групповой уровень, даже когда контакт осуществляется с соблюдением принципа равенства сторон и проходит в ситуации отсутствия конфликтов и политико-экономических кризисов.

В настоящее время большие надежды возлагаются на программы, содержащие бихевиорально-когнитивные элементы. Одна из программ, предполагающая увеличение вероятности изменений в экспериментальных группах взрослых, была направлена на преодоление неприязни между белыми и черными в ЮАР, где сохраняются последствия апартеида. Важная роль отводилась идентификации, акцептированию межгрупповых различий и совместной деятельности: по замыслу авторов программы, они сопутствуют индивидуализации, а не унижению индивидов в группах разных категорий³⁹. Та же программа реализована в Голландии, где речь шла об акцептировании меньшинства: акцент был сделан на выявлении различий между меньшинствами и большинством, а также на предоставлении информации о разных группах меньшинств, чему служили короткие образовательные фильмы. В обоих случаях исследователи получили положительные результаты, однако корреляционные связи оказались слабыми⁴⁰.

Проследить вероятность увеличения изменений в экспериментальных группах детей в Польше стало целью других программ⁴¹. В начальной школе на протяжении длительного времени в учебных курсах разных дисциплин (литература, география, история, изобразительное искусство) поднимались проблемы, связанные с национальными меньшинствами. В результате было отмечено ослабление концентрации на собственной группе и улучшение отношений не только с другими группами, но и с людьми вообще. В ходе реализации программы выяснилось, что воздействие на детей и молодежь оказывается более результативным, чем на взрослых.

Интересные предложения по редуцированию и нейтрализации стереотипов и предубеждений представили студенты из России и Польши, изученные М. Собчак и Р. Бакер⁴². Часть из них укладывается в рамки гипотезы контакта. Приведем некоторые из них: вызывать заинтересованность культурой и жизнью других обществ, взаимное познание; поиск схожести россиян с поляками и другими славянами; рационализация черт, которые могут восприниматься отрицательно (например, *россияне — открытая, общительная нация вместо россияне — пьющая и «задорная» нация*); улуч-

Red. M. Kossowska, M. Śmieja, S. Śpiewak. Gdańsk: GWP, 2005. S. 27–29; Kossowska M. *Poznawcze źródła przekonań politycznych*. S. 49–53; Nelson T. *Psychologia uprzedzeń*. S. 143–146.

³⁶ См. об этом подробнее: Aronson E. *Człowiek istota społeczna*. S. 404–424; Nelson T. *Psychologia uprzedzeń*. S. 307–337. Для исследования возможностей редуцирования предубеждений особое значение имели следующие эксперименты: «сотрудничество для достижения высшей цели» (Sherif), «общее групповое тождество» (Dovidio et al.), «конфронтационная техника» (Rokeach), «класс-мозаика» (Aronson), обогащение знаний, развитие эмпатии в ролевых играх (Elliott, Galinsky, Maskowitz), «общественный дальтонизм» (Wolsko et al.) и «эффект неизбежности» (Brehm).

³⁷ См.: Nelson T. *Psychologia uprzedzeń*. S. 309–335.

³⁸ См.: Weigl B. *Stereotypy i uprzedzenia*.

³⁹ Kamfer, Venter; см.: Weigl B. *Stereotypy i uprzedzenia*.

⁴⁰ Vrij, Vanschie, Cherryman; см.: Weigl B. *Stereotypy i uprzedzenia*.

⁴¹ Weigl B. *Stereotypy i uprzedzenia etniczne u dzieci i młodzieży*. Warszawa: Wydaw. Instytutu Psychologii PAN, 1999.

⁴² Sobczak M., Backer R. *Nieznanе jutro – determinant i możliwości zacierania wzajemnych uprzedzeń Polaków i Rosjan // Polacy i Rosjanie. Przewycięzanie uprzedzeń / Red. A. de Lazari, T. Rongińska. Łódź: Ibidem, 2006.*

шение процесса коммуникации при помощи дружеских контактов, студенческого обмена, участия в общих исследовательских проектах; частые контакты, которые удовлетворяли бы познавательные и эмоциональные потребности, без соперничества, налаживаемые с признанием равного общественного статуса, кооперации, в дружеской атмосфере и подкрепленные признанными авторитетами⁴³; развитие эмпатии и воспитание с установкой на выявление отличий, без самокатегоризации «мы – они», «лучшие – худшие».

Отдельная тема — роль средств массовой информации и политиков в создании, сохранении или разрушении стереотипов и предубеждений и в улучшении или ухудшении польско-российских отношений⁴⁴. Анализ прессы разной политической направленности, проведенный М. Жаковской⁴⁵, показал, что представления о России и россиянах зачастую страдают односторонностью и тенденциозностью. Особенно грешат этим некоторые консервативные журналы, в которых тесно переплетаются антироссийская и антисемитская направленность (Россия — бедная, преступная, мафиозная, коррумпированная страна; это страна, в которой процветает алкоголизм, преступность, болезни и безработица⁴⁶; россияне — захватчики-империалисты, враги Польши; евреи — это коммунисты и банкиры на вершине власти, которые втягивают Россию в еврейский заговор⁴⁷).

В заключение приведем размышления А. Валицкого о проблемах примирения, о польско-российских отношениях, дискурсе памяти и сведении к минимуму предубеждений: «Улучшение отношений с Россией не требует согласования наших взглядов на прошлое России и СССР с россиянами. Мы лишь должны уважать их право на несколько другой взгляд и другую национальную память. Мы должны понять, что одни и те же события могут

выглядеть по-разному, когда на них смотрят с разных сторон и оценивают в разных контекстах»⁴⁸. Перспективной представляется его мысль о том, что взаимопониманию поляков и русских, их совместным планам⁴⁹ могло бы послужить общее переживание сталинского тоталитаризма, осознание себя как жертв тоталитарного режима, без разделения на преступников и жертвы.

Обобщая, можно повторить вслед за А. Михником⁵⁰: хотя в процессе общения народов часто сталкиваются разные коллективные памяти, все-таки гораздо более важен разговор о прошлом с мыслью о будущем, чем проектирование мифического будущего с помощью прошлого. Первая дорога ведет пусть к трудным, но компромиссам (польско-украинские отношения, например), вторая — к кровавым конфликтам (в бывшей Югославии, например, или на Кавказе).

Чтобы полноценное общение стало возможным, следует редуцировать отрицательные стереотипы и предубеждения. В современном мире начинают доминировать символические формы предубеждений⁵¹. Следует помнить, что «необычно четко репродуцируются многочисленные стратегии, служащие сокрытию фактов, перекрашиванию кровавого пятна, напоминающего о преступлении, в белое, исчезающее с поля заинтересованности, из коллективной памяти, утрачивающее выразительность истолкования и не вызывающее нравственного возмущения»⁵². Однако не стоит терять надежду на то, что в недалеком будущем память о прошлом перестанет препятствовать полноценным польско-российским контактам. Согласимся с А. де Лазари: возможно, когда-то удастся постичь Россию и россиян не только в плане культурного достояния, но и в других сферах жизни, выйти за пределы стереотипов и предубеждений, возникающих по многим причинам, в том числе и по различающемуся «культурному программированию»⁵³.

⁴³ См. также: *Jestal J.* Hipoteza kontaktu a problemy pogranicza // *Stereotypy narodowościowe na pograniczu* / Red. W. Bonusiak. Rzeszów, 2002.

⁴⁴ См. об этом: *Walicki A.* O inteligencji, liberalizmach i o Rosji. S. 345–365. С целью улучшения взаимоотношений и преодоления односторонности и стереотипности в восприятии России А. Валицкий предлагает созвать польско-российский политический дискуссионный форум.

⁴⁵ *Żakowska M.* Rosja i Rosjanin w publicystyce polskiej po 1989 roku // *Polacy i Rosjanie. Przewycięzanie uprzedzeń* / Red. A. de Lazari, T. Rongińska. Łódź: Ibidem, 2006. S. 359–373.

⁴⁶ О представлении России и россиян в польских средствах массовой информации см. статьи А. Скорупской и И. Лаппо в сб.: *Polacy i Rosjanie. Przewycięzanie uprzedzeń* / Red. A. de Lazari, T. Rongińska. Łódź: Ibidem, 2006. S. 50–55, 323–334, 375–383.

⁴⁷ Отметим, что тема «еврейского заговора» обсуждается не только в польской прессе. Агрессивный антисемитизм характерен и для крайних националистических группировок в России (см.: *Walicki A.* O inteligencji, liberalizmach i o Rosji. S. 323).

⁴⁸ *Walicki A.* O inteligencji, liberalizmach i o Rosji. S. 346.

⁴⁹ Ibid. S. 356.

⁵⁰ *Michnik A.* Wściekłość i wstyd. Warszawa: Zeszyty Literackie, 2005. S. 265.

⁵¹ См.: *Nelson T.* Psychologia uprzedzeń.

⁵² *Nijakowski L.* Kiedy krwawa plama staje się białą. Polityka pamięci związana z masakrami w XX wieku. S. 188.

⁵³ См.: *Lazari A. de.* Polskie i rosyjskie «zaprogramowanie kulturowe» (szkic problemu) // *Polacy i Rosjanie. Przewycięzanie uprzedzeń* / Red. A. de Lazari, T. Rongińska. Łódź, 2006.

Список литературы:

1. Adorno T., Frenkel-Brunswick E., Levinson D., Sanford R. *The Authoritarian Personality*. New York: Harper and Brothers, 1950.
2. Aronson E. *Człowiek istota społeczna*. Warszawa: PWN, 1995.
3. Bar-Tal D. *The Masada Syndrome: A Case of Central Belief*. University Michigan, 1983.
4. Boski P., Więckowska J. *Stosunki polsko-rosyjskie: historia ostatniego półwiecza w obrazach, pamięci i ocenach Polaków // Polacy i Rosjanie. Przewycięzanie uprzedzeń / Red. A. de Lazari, T. Rongińska. Łódź, 2006.*
5. Bukowski M., Drogosz M. *Stereotypy i poznanie: poznawcze podstawy funkcjonowania stereotypów // Społeczne ścieżki poznania / Red. M. Ko ssowska, M. Śmieja, S. Śpiewak. Gdańsk: GWP, 2005.*
6. Dobiszewski J. *Przesady, uprzedzenia, stereotypy – kilka refleksji o pojęciach // Katalog wzajemnych uprzedzeń Polaków i Rosjan / Red. A. de Lazari. Warszawa: Polski instytut Spraw Międzynarodowych, 2006.*
7. Dollard J., Miller N. E., Mowrer O. H., Sears R. S. *Frustration and Aggression*. New Haven, 1961.
8. Dovidio J. i in. *Stereotypizacja, uprzedzenia i dyskryminacja: spojrzenie z innej perspektywy // Macrae C., Stangor Ch., He. wstone M. Stereotypy i uprzedzenia. Gdańsk: GWP, 1999.*
9. Jakubowska U. *Ekstremizm polityczny*. Gdańsk: GWP, 2005.
10. Jestal J. *Hipoteza kontaktu a problemy pogranicza // Stereotypy narodowościowe na pograniczu / Red. W. Bonusiak. Rzeszów, 2002.*
11. Kaźmierska K. *Między pamięcią zbiorową a biograficzną. Podróże do miejsc urodzenia izraelskich Żydów // Pamięć zbiorowa jako czynnik integracji i źródło konfliktów / Red. A. Szpociński. Warszawa: SCHOLAR, 2009.*
12. Kaźmierska K. *Ramy społeczne pamięci // Kultura i Społeczeństwo. 2007. № 2.*
13. Korzeniowski K. *Autorytaryzm i jego psychopolityczne konsekwencje // Podstawy psychologii politycznej / Red. K. Skarżyńska. Poznań: Wydaw. Zysk i S-ka, 2002.*
14. Korzeniowski K. *Utrata i poszukiwanie społeczno-politycznego sensu. Anomia i paranoja polityczna // Podstawy psychologii politycznej / Red. K. Skarżyńska. Poznań: Wydaw. Zysk i S-ka, 2002.*
15. Kossowska M. *Poznawcze źródła przekonań politycznych // Społeczne ścieżki poznania / Red. M. Kossowska, M. Śmieja, S. Śpiewak. Gdańsk: GWP, 2005.*
16. Kwiatkowski P. *Czy lata III Rzeczypospolitej były «czasem pamięci»? // Pamięć zbiorowa jako czynnik integracji i źródło konfliktów / Red. A. Szpociński. Warszawa: SCHOLAR, 2009.*
17. Lappo I. *Uprzedzenia a media: Polska recepcja wydarzeń na Dubrowce – analiza internetowej listy dyskusyjnej // Polacy i Rosjanie. Przewycięzanie uprzedzeń / Red. A. de Lazari, T. Rongińska. Łódź: Ibidem, 2006.*
18. Lazari A. de. *Polskie i rosyjskie «zaprogramowanie kulturowe» (szkic problemu) // Polacy i Rosjanie. Przewycięzanie uprzedzeń / Red. A. de Lazari, T. Rongińska. Łódź, 2006.*
19. Lazari A. de. *Wzajemne uprzedzenia Polaków i Rosjan // Katalog wzajemnych uprzedzeń Polaków i Rosjan / Red. A. de Lazari. Warszawa: Polski instytut Spraw Międzynarodowych, 2006.*
20. Marody M. *Sens teoretyczny a sens empiryczny pojęcia postawy*. Warszawa: PWN, 1976.
21. Merton R. *Teoria socjologiczna i struktura społeczna*, Warszawa: PAN, 2002.
22. Michnik A. *Wściekłość i wstyd*. Warszawa: Zeszyty Literackie, 2005.
23. Nelson T. *Psychologia uprzedzeń*. Gdańsk: GWP, 2003.
24. Niewiara A. *Moskwicin-Moskal-Rosjanin w dokumentach prywatnych. Portret*. Łódź: Ibidem, 2006.
25. Nijakowski L. *Kiedy krwawa plama staje się białą. Polityka pamięci związana z masakrami w XX wieku // Pamięć zbiorowa jako czynnik integracji i źródło konfliktów / Red. A. Szpociński. Warszawa: SCHOLAR, 2009.*
26. *Pamięć zbiorowa jako czynnik integracji i źródło konfliktów / Red. A. Szpociński. Warszawa: SCHOLAR, 2009.*
27. Skarżyńska K. *Nacjonalizm i patriotyzm: orientacje ideologiczne i postawy jednostek // Podstawy psychologii politycznej. Poznań: Wydaw. Zysk i S-ka, 2002.*
28. Skorupska A. (2006). *Wizerunek Rosji i Rosjan w mediach // Polacy i Rosjanie. Przewycięzanie uprzedzeń / Red. A de Lazari, T. Rongińska. Łódź: Ibidem, 2006.*
29. Skorupska A. *Polska opinia publiczna o Rosji i Rosjanach // Polacy i Rosjanie. Przewycięzanie uprzedzeń / Red. A de Lazari, T. Rongińska. Łódź: Ibidem, 2006.*
30. Sobczak M., Backer R. *Nieznane jutro – determinant możliwości zacierania wzajemnych uprzedzeń Polaków i Rosjan // Polacy i Rosjanie. Przewycięzanie uprzedzeń / Red. A. de Lazari, T. Rongińska. Łódź: Ibidem, 2006.*
31. *Stereotypy i uprzedzenia: uwarunkowania psychologiczne i kulturowe / Red. M. Kofta, A. Jasińska-Kania. Warszawa: SCHOLAR, 2001.*
32. Szacka B. *Czas przeszły, pamięć, mit*. Warszawa: Wydaw. Naukowe SCHOLAR, 2006.
33. Szacka B., Sawisz A. *Czas przeszły i pamięć społeczna*. Warszawa: Instytut Socjologii Uniwersytetu Warszawskiego, 1990.
34. Sztompka P. *Socjologia. Analiza społeczeństwa*. Kraków: Znak, 2003.
35. Walicki A. *O inteligencji, liberalizmach i o Rosji*. Kraków: Universitas, 2007.
36. Walicki A. *Rosja, katolicyzm i sprawa polska*. Warszawa: Prószyński i S-ka, 2003.
37. Weigl B. *Stereotypy i uprzedzenia // Psychologia. Podręcznik akademicki. T. 3 / Red. J. Strelau. Gdańsk: GWP, 2007.*
38. Weigl B. *Stereotypy i uprzedzenia etniczne u dzieci i młodzieży*. Warszawa: Wydaw. Instytutu Psychologii PAN, 1999.
39. Korzeniowski K. *Utrata i poszukiwanie społeczno-politycznego sensu. Anomia i paranoja polityczna // Podstawy psychologii politycznej / Red. K. Skarżyńska. Poznań: Wydaw. Zysk i S-ka, 2002.*
40. Żakowska M. *Rosja i Rosjanin w publicystyce polskiej po 1989 roku // Polacy i Rosjanie. Przewycięzanie uprzedzeń / Red. A. de Lazari, T. Rongińska. Łódź: Ibidem, 2006.*

References (transliteration):

1. Adorno T., Frenkel-Brunswick E., Levinson D., Sanford R. The Authoritarian Personality. New York: Harper and Brothers, 1950.
2. Aronson E. Człowiek istota społeczna. Warszawa: PWN, 1995.
3. Bar-Tal D. The Masada Syndrome: A Case of Central Belief. University Michigan, 1983.
4. Boski P., Więckowska J. Stosunki polsko-rosyjskie: historia ostatniego półwiecza w obrazach, pamięci i ocenach Polaków // Polacy i Rosjanie. Przewycięzanie uprzedzeń / Red. A. de Lazari, T. Rongińska. Łódź, 2006.
5. Bukowski M., Drogosz M. Stereotypy i poznanie: poznawcze podstawy funkcjonowania stereotypów // Społeczne ścieżki poznania / Red. M. Kossowska, M. Śmieja, S. Śpiewak. Gdańsk: GWP, 2005.
6. Dobiszewski J. Przesady, uprzedzenia, stereotypy — kilka refleksji o pojęciach // Katalog wzajemnych uprzedzeń Polaków i Rosjan / Red. A. de Lazari. Warszawa: Polski instytut Spraw Międzynarodowych, 2006.
7. Dollard J., Miller N. E., Mowrer O. H., Sears R. S. Frustration and Aggression. New Haven, 1961.
8. Dovidio J. i in. Stereotypizacja, uprzedzenia i dyskryminacja: spojrzenie z innej perspektywy // Macrae C., Stangor Ch., He. wstone M. Stereotypy i uprzedzenia. Gdańsk: GWP, 1999.
9. Jakubowska U. Ekstremizm polityczny. Gdańsk: GWP, 2005.
10. Jestal J. Hipoteza kontaktu a problemy pogranicza // Stereotypy narodowościowe na pograniczu / Red. W. Bonusiak. Rzeszów, 2002.
11. Kaźmierska K. Między pamięcią zbiorową a biograficzną. Podróże do miejsc urodzenia izraelskich Żydów // Pamięć zbiorowa jako czynnik integracji i źródło konfliktów / Red. A. Szpociński. Warszawa: SCHOLAR, 2009.
12. Kaźmierska K. Ramy społeczne pamięci // Kultura i Społeczeństwo. 2007. № 2.
13. Korzeniowski K. Autorytaryzm i jego psychopolityczne konsekwencje // Podstawy psychologii politycznej / Red. K. Skarżyńska. Poznań: Wydaw. Zysk i S-ka, 2002.
14. Korzeniowski K. Utrata i poszukiwanie społeczno-politycznego sensu. Anomia i paranoja polityczna // Podstawy psychologii politycznej / Red. K. Skarżyńska. Poznań: Wydaw. Zysk i S-ka, 2002.
15. Kossowska M. Poznawcze źródła przekonań politycznych // Społeczne ścieżki poznania / Red. M. Kossowska, M. Śmieja, S. Śpiewak. Gdańsk: GWP, 2005.
16. Kwiatkowski P. Czy lata III Rzeczypospolitej były «czasem pamięci»? // Pamięć zbiorowa jako czynnik integracji i źródło konfliktów / Red. A. Szpociński. Warszawa: SCHOLAR, 2009.
17. Lappo I. Uprzedzenia a media: Polska recepcja wydarzeń na Dubrowce — analiza internetowej listy dyskusyjnej // Polacy i Rosjanie. Przewycięzanie uprzedzeń / Red. A. de Lazari, T. Rongińska. Łódź: Ibidem, 2006.
18. Lazari A. de. Polskie i rosyjskie «zaprogramowanie kulturowe» (szkie problemu) // Polacy i Rosjanie. Przewycięzanie uprzedzeń / Red. A. de Lazari, T. Rongińska. Łódź, 2006.
19. Lazari A. de. Wzajemne uprzedzenia Polaków i Rosjan // Katalog wzajemnych uprzedzeń Polaków i Rosjan / Red. A. de Lazari. Warszawa: Polski instytut Spraw Międzynarodowych, 2006.
20. Marody M. Sens teoretyczny a sens empiryczny pojęcia postawy. Warszawa: PWN, 1976.
21. Merton R. Teoria socjologiczna i struktura społeczna, Warszawa: PAN, 2002.
22. Michnik A. Wściekłość i wstyd. Warszawa: Zeszyty Literackie, 2005.
23. Nelson T. Psychologia uprzedzeń. Gdańsk: GWP, 2003.
24. Niewiara A. Moskwin-Moskal-Rosjanin w dokumentach prywatnych. Portret. Łódź: Ibidem, 2006.
25. Nijakowski L. Kiedy krwawa plama staje się białą. Polityka pamięci związana z masakrami w XX wieku // Pamięć zbiorowa jako czynnik integracji i źródło konfliktów / Red. A. Szpociński. Warszawa: SCHOLAR, 2009.
26. Pamięć zbiorowa jako czynnik integracji i źródło konfliktów / Red. A. Szpociński. Warszawa: SCHOLAR, 2009.
27. Skarżyńska K. Nacjonalizm i patriotyzm: orientacje ideologiczne i postawy jednostek // Podstawy psychologii politycznej. Poznań: Wydaw. Zysk i S-ka, 2002.
28. Skorupska A. (2006). Wizerunek Rosji i Rosjan w mediach // Polacy i Rosjanie. Przewycięzanie uprzedzeń / Red. A. de Lazari, T. Rongińska. Łódź: Ibidem, 2006.
29. Skorupska A. Polska opinia publiczna o Rosji i Rosjanach // Polacy i Rosjanie. Przewycięzanie uprzedzeń / Red. A. de Lazari, T. Rongińska. Łódź: Ibidem, 2006.
30. Sobczak M., Backer R. Nieznane jutro — determinant i możliwości zacierania wzajemnych uprzedzeń Polaków i Rosjan // Polacy i Rosjanie. Przewycięzanie uprzedzeń / Red. A. de Lazari, T. Rongińska. Łódź: Ibidem, 2006.
31. Stereotypy i uprzedzenia: uwarunkowania psychologiczne i kulturowe / Red. M. Kofta, A. Jasińska-Kania. Warszawa: SCHOLAR, 2001.
32. Szacka B. Czas przeszły, pamięć, mit. Warszawa: Wydaw. Naukowe SCHOLAR, 2006.
33. Szacka B., Sawisz A. Czas przeszły i pamięć społeczna. Warszawa: Instytut Socjologii Uniwersytetu Warszawskiego, 1990.
34. Sztompka P. Socjologia. Analiza społeczeństwa. Kraków: Znak, 2003.
35. Walicki A. O inteligencji, liberalizmach i o Rosji. Kraków: Universitas, 2007.
36. Walicki A. Rosja, katolicyzm i sprawa polska. Warszawa: Prószyński i S-ka, 2003.
37. Weigl B. Stereotypy i uprzedzenia // Psychologia. Podręcznik akademicki. T. 3 / Red. J. Strelau. Gdańsk: GWP, 2007.
38. Weigl B. Stereotypy i uprzedzenia etniczne u dzieci i młodzieży. Warszawa: Wydaw. Instytutu Psychologii PAN, 1999.
39. Wobec przeszłości: pamięć przeszłości jako element kultury współczesnej / Red. A. Szpociński. Warszawa: Instytut im. Adama Mickiewicza, 2005.
40. Żakowska M. Rosja i Rosjanin w publicystyce polskiej po 1989 roku // Polacy i Rosjanie. Przewycięzanie uprzedzeń / Red. A. de Lazari, T. Rongińska. Łódź: Ibidem, 2006.